

О художниках

Чистый холст, или Прощальное письмо

Она писала ему прощальное. Не нашла места лучше, чем аэропорт. Она его не искала, просто Ей страшно было лететь в никуда. Кончилась эра Ее семьи. Черные буквы на бумаге слились в слова. А после? А после фразы смыслом обросли:

"Чем кончилась эра нашей любви?

Чем не вопрос: от счастья отказаться или от себя?

А зачем себе отказывать, когда я сама безотказная. Здравствуй, счастье, скажу я ему, когда встретимся. Да нет, не ему, а счастью. Тебе это не понять, ты художник. Ты говоришь, что умеешь рисовать счастье. А еще ты умеешь рисовать "в никуда", "в нигде", "в незачем".

Глупо, грустно, грязно. Прав нет на самодеятельность. Но только с нее творчество и начинается.

Мне страшно лететь в никуда.

Кончилась эра нашей семьи...

Чем кончилась эра нашей семьи? Чистым холстом: ты еще не начал рисовать, а я уже все стерла. Я глупая, ты это утверждаешь. Я смелая, я это утверждаю. На грани между моей смелостью и моей глупостью родилось мое творчество. Я тоже художник. Ты знаешь, аэропорт похож на меня: люди здесь прилетают, улетают и ожидают одновременно. Знаешь, я умею быть одновременной.

Ах, Вам это не понятно. (Давай перейдем на "Вы"). Вам грустно от счастья несостоявшегося? Мне... и нет, и да — одновременно. Я уединяюсь и распространяюсь — одновременно. Кто-то весь в себе, я в себе на людях. Не мудрено быть мудреной, но я таковой не являюсь. Я простая и глупая, и далекая, и близкая, и легкая, и тяжелая, и веселая, и грустная, и пьяная, и трезвая, и резвая, и зажмуренная, и с Вами, и без Вас. И с собой, и без себя. Меня не жалеть надо и надо жалеть, потому что я — чистый холст.

Много! Да! Много! Даже для меня! Поэтому я улетаю... от Вас... и от себя. Прощай, любимый. Прощай, любимая".

Всех пригласили на посадку. Она положила блокнот в сумочку и слилась с толпой. Ее мужа всегда раздражало, что она умела сливаться с толпой. Он

был одиноличником и презирал тех людей, которые его не выделяют из толпы. Место ей досталось у окна. Самолет дрожал от нетерпения оторваться от земли. Она тоже дрожала от нетерпения дописать. Она писала прощальное:

"Любое прощание — это радость, это ожидание новой встречи. Это чистый холст для художника. Ты увидишь, через год я буду совсем другая. Потому что будет другой художник. Он нарисует мне счастье. А ты продолжай рисовать "в никуда", "в нигде", "в незачем". Я не злюсь, я предвижу. Я предвижу и немножечко злюсь. Я предвижу и злюсь на себя. Если б я смогла смириться с тем, что ты не простил мне мой успех. Если б я совсем смогла отказаться от успеха. "Каждый человек — это миф, который создает он сам". О тебе миф создавала я. Не бойсь, я найду в себе силы не развенчать тебя. Хотя ты... обыкновенный. Обыкновенный ремесленник. Особенно в постели. Прилежно учился. Технически грамотен, но... однообразен. Пусть бы мы даже с тобой никогда и не встретимся: оно и к лучшему. Если б ты узнал, куда я улетаю в своих фантазиях. Талант и фантазии — это, конечно, не одно и тоже, но общего у них много. А твоих фантазий только и хватает на то, чтоб причмокивать каждый раз, когда ты рисуешь голых теток. А с недавних пор у тебя стали брюки вздуваться. Стареешь. На молодых потянуло. Так тебе и надо. Они все равно на тебя не позарятся. "Ню и ню! — хочется мне каждый раз сказать, когда я вижу твою новую картину. — Какая бездарность". Но зачем? Зачем так много "но" в нашей жизни? Наверное, потому что мы оба художники.

Я не писала картины двадцать лет. Я зарабатывала деньги, чтоб ты мог писать, что хочешь. И что у Вас получилось? (Давай перейдем на "Вы".) Получилось... сомнение на чистом холсте. Ваш чистый холст — это я, не забыли. Ах, ну что Вы, Вам об этом не доложили. Уже два года как не доложили. А я уже два года живу с музой. Вам перестало быть со мной интересно? Вы меня не понимаете? Ваша фигура, далекая от совершенства, не запечатлена на моих полотнах. Да, этого вы мне не простите никогда. И не надо. Я улетаю в никуда. Мне страшно и не страшно, ведь я одновременная, как аэропорт..."

Аэропорт был маленький и наспех отремонтированный. Это раздражало ее и таможенника, который распотрошил ее сумку, пытаясь найти в ней то, чего там никогда не было. С трудом, вернее, с таможенником, она закрыла эту сумку. Выйдя "на волю" она улыбнулась всем таксистам сразу, объявив, что их услуги не понадобятся, и бросилась на шею тому, кому писала свое прощальное письмо:

— Я так соскучилась, — поцеловала она его руку. — Ты знаешь, продалась всего одна твоя картина.

— Ничего, — снисходительно улыбнулся ей муж, ты еще поймешь, что продавать картины не самое главное. Кстати, откуда у тебя эта новая шуба?

— Я случайно продала свою картину тоже.

— Ты что, решила выставить свою мазню? Почему ты не посоветовалась со мной? Я же с тобой всегда советуюсь.

— Прости, это случайность.

— Ты думаешь, я дурак? За одну картину такую шубу не купишь.

— Я случайно продала одну свою картину, а потом и все остальные. А ты их всегда только ругал, хотя другие хвалили.

— Просто ты себя окружила теми людьми, которые тебе поддакивают. Так вот, не дожدهшься, я всегда буду говорить тебе правду, несмотря на эту случайность с продажей картин.

— А я и не жду. Я просто очень тебя люблю, но больше не верю в твою исключительность.

Через полгода она отдала мужу свое прощальное... на прощанье. А он ей на прощанье сказал:

— Я тебя больше не понимаю. Не твое это дело марать бумагу.

Сказка о воробье

Друзья — это те, с кем запросто.

Встречи — это частности нашей жизни, требующие напряжения и перенапряжения. Пусть встречи останутся безмянными, а с друзьями это сложно.

Я чувствую иногда душевный голод от недостатка простоты и от избытка напряжения, и тогда я иду к тем, с кем запросто. "Здравствуй!" — говорю я одному из них. И непременно эта встреча рождает сказку, например, такую, как эта история о волшебных ракушках. А при чем здесь воробей? Самой интересно. Вот и попробую выяснить.

Когда-то "давным-давно" море было хитрым-хитрым, не то, что сейчас, и спрятало волшебные ракушки среди других обыкновенных ракушек на собачьем пляже. Ну и местечко нашло это море. А чего? Ну, кто их станет искать в грязном песке. Собаки, конечно, чего-то чувят, вот и роют ямки постоянно. А люди думают, что они просто так. А просто ничего даже у собак не бывает, разве что любовь к хозяину. Ну, да ладно, не в собаках дело,

а в волнах, которые любят посплетничать не меньше, чем люди. Вот я и бегаю к ним обсудить кое-чего и даже кое-кого. Пошепчемся, пошепчемся — и в разные стороны. Не дай Бог, заподозрят нас или подслушают, что еще хуже. У меня даже подружка появилась — маленькая волна, похожая на большую медузу. Привязалась ко мне, бегаёт за мной по всему побережью. Быстрая такая, игривая, красивая. Вот я и заказала ее портрет своему другу, Володе Прохорову. Он деликатный такой, воспитанный, отказать не решился. Однажды на берег пришел и стал у волн спрашивать:

— Хотите, я вас нарисую?

Волны стали набегать и отталкивать друг друга. Вы знаете, что волны, как и люди, считают себя очень красивыми и почти все свою красоту увековечить хотят.

— Не суетитесь, — проворчал художник, — я нарисую самую маленькую из вас, похожую на большую медузу.

Робко на берег выползла маленькая волна:

— Нарисуйте меня, нарисуйте, пожалуйста.

— Ой, какая Вы прозрачная, — улыбнулся художник. — Хорошо, голубушка, я нарисую Вас, только Вы, пожалуйста, не трогайте камешки и ракушки. Они так красиво лежат!

Пока художник рисовал, волна ему рассказывала морские сказки и были и даже, увидев набросок, от избытка чувств проговорила о волшебных ракушках.

Художник прищурил левый глаз:

— Скажите, голубушка, как может обыкновенный человек отличить волшебную ракушку от простой?

В ответ волна прощурилась:

— Это под силу только тому, кто видит мир таким, какой он есть.

— Да это абсолютно все!

— Ты ошибаешься, художник. Мир ломается в глазах людей, и они его видят таким, каким хотят его видеть.

— Тогда это никому не под силу?!

— А ты попробуй, — улыбнулась волна, отчего камешки покатались в разные стороны, а из-под них выпрыгнули ракушки. Художник выхватил одну из них и прощентал:

— Волшебная... Вот уж глазам не верю. Вот уж не может быть.

Волна расхохоталась, набрав при этом полный рот гальки, и утащила ее в море.

Художник стал собирать волшебные ракушки в майку, завязав ее с од-

ной стороны узлом. Он принес их домой и разложил на старой газете. Жена позвала его ужинать. Ракушки немного подсохли и стали подпрыгивать вверх, чтобы посмотреть, как художник нарисовал маленькую волну, похожую на большую медузу. Увидев, они тут же облепили картину со всех сторон. Некоторым из них захотелось искупаться, и они прыгнули в воду. Художник вернулся в мастерскую вместе с женой, чтобы показать ей портрет маленькой волны и волшебные ракушки.

— Голубушка, Вам эти ракушки к лицу, — сказал он, обращаясь к маленькой волне, потому что был очень, очень деликатный.

— Какая я счастливая, — сказала жена и почему-то побежала за соседкой.

— Какая я счастливая, — сказала соседка и почему-то посмотрела на художника.

— Я тоже счастлив, потому что могу показать людям мир таким, какой он есть, — улыбался художник.

В это время в комнату влетел воробей. Он метался между людьми и, наконец, сел на картину.

— Чири-чири-чирищур я счастливый! — прочирикал воробей и перепрыгнул с края картины на камень, что торчал из воды в правом верхнем углу, да так там и остался.

С того самого "давным-давно", когда все это и случилось, все люди, которым посчастливилось увидеть картину, стали говорить, что они счастливые. Но больше всего повезло мне, потому что картина висит у меня дома, и волшебные ракушки рассказывают мне сказки, а воробей иногда летает по квартире и поет песню о том, что он — самая прекрасная муза на свете. И тогда я сама начинаю придумывать сказки и песни. А это — мое счастье, подаренное мне художником.

Это — Дракула!

Как он мог вернуться к ней после всего, что между ними было?

Одни считают, что это та самая любовь, которая, как говорится, глаза застит. Другие придерживаются мнения, что он просто олух Царя Небесного. Иммигрант из Одессы, приехал в Нью-Йорк с женой лет 25 назад, днем работал, вечером учился, сперва грыз гранит английского, потом мрамор юриспруденции, подсиживал одних, водил в ресторан других, короче, лез вон из шкуры, пока не докарабкался до должности в роскошной юридической фирме, бешеной зарплаты, 60-летия. Но третьи утверждают, что на самом деле Леон, Ленья Аппельбаум, просто отомстил бывшей любовнице самым жестоким из всех возможных способов — заставив жить с ним.

Ну хорошо, давайте попробуем разобраться сами.

В ветреный февральский вечер Леон заходит в стриптиз-клуб на Вест 36-й стрит, где знакомится с танцовщицей Линн Кроссбин. Она приехала в Нью-Йорк из Женевы по студенческому обмену. Ей — 22 года. Сначала она хотела учиться, но потом оказалось, что она уже многое умеет безо всякого колледжа. От стойки бара они переходят в отдельный кабинет, где Леон за каких-то 250 баксов переживает оргазм десятилетия. А может быть, и всей жизни. Он потрясен до основ.

Красива ли его новая любовь, нет ли — вопрос спорный. Кому что нравится. У нее большая грудь, великолепные ноги, голубые глаза, черные, как смоль, волосы и настоящий талант к тому роду деятельности, которая на данном этапе жизни интересует Леона больше всего на свете. Тут главное: не изображать непонимания на лице. Жена, с которой прожито 30 с лишним лет. Дети, постоянно забывающие поздравить тебя с днем рождения. Что там еще? Один взгляд в зеркало — и испорченное на целый день настроение. Вам это незнакомо?

Аппельбаум, чьи доходы исчисляются в последние годы миллионами, легко снимает Линн квартиру в одной из стеклянных башен Верхнего Ист-Сайда и заваливает подарками. Они ужинают в "Ла Мадри" и "Бабо", купаются в Майами, слушают в Метрополитене вердиевский "Реквием", когда оркестром дирижирует модный в том сезоне Гергиев, а в труппе певцов — бесподобная Рине Флеминг. Линн старается скрыть зевоту, публика в вечерних нарядах привлекает ее куда больше происходящего на сцене.